

УДК 81'504
DOI 10.18101/978-5-9793-1755-7-264-268

ЧТО МЫ ПОДРАЗУМЕВАЕМ ПОД «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЕЙ»?

© Лаффитт Пьер Жоан

доцент,
Laboratory Experice, Université Paris 8 Vincennes-Saint-Denis
Paris, France
www.sensetpraxis.fr
pjlaffitte@almageste.net

Наше антропологическое существование определяется его тройной экологией: окружающей среды, социума и психики. «Лингвистическая экология» задает основной тон для антропологического существования как вида, культурной группы и субъекта, наделенного психикой и желанием. Как может лингвистическая практика, обучение и теоретизация сохранить верность такой комплексной экологии, несмотря на чрезмерное упрощение и абстрагирование позитивистской редукцией на различных уровнях — политическом, экономическом и образовательном? Именно это приведет нас от экологии теории сложности к кросс-лингвистике, транслингвистике, семиотике. Или: что включает определение настоящего, разнородного, лингвистического праксиса?

Этот текст является частью совместной статьи с Патрици Бакку, представляющей окситанские школы Каландрета (Объем текста: 11690 знаков).

Ключевые слова: комплексная экология, лингвистическая экология, кросс-лингвистика, лингвистический праксис, транслингвистика, идиома, язык, семиотика, психика, стремление.

WHAT DO WE MEAN BY “LINGUISTIC ECOLOGY”?

Pierre Johan Laffitte

A/Prof.
Laboratory Experice, Université Paris 8 Vincennes-Saint-Denis
Paris, France
pjlaffitte@almageste.net

Our anthropological existence is defined by its triple ecology: environmental, social and psychical. “Linguistic ecology” designs one of the main mood for such an existence, as a species, a cultural group and a psychical, desiring subject. How can linguistic practice, transmission and theorisation remain faithful to such a complex ecology, instead of oversimplifying and abstracting it by a positivistic reduction, on various levels such as political, economical and educational? This is what will lead us from an ecology of complexity theory to interlinguistics, to translanguistics, to semiotics. Or: what requires the definition of a true, complex, linguistic praxis?

The paper is done with the article of Patrici Baccou, a representative of the Calandreta Occitan school. (Text size: 11690 characters)

Keywords: complex ecology, linguistic ecology, interlinguistics, linguistic praxis, translanguistics, idiom, language, semiotics, psychism, desire.

Вступление

Лингвистическая экология — не простая метафора для обозначения необходимого многообразия языков. Это гомеоморфное понятие, подстраивающееся к тому, что оно описывает, к реальности, из которой оно само возникло: по сути дела, понятие лингвистической экологии — это производное лингвистической экосистемы, в которой живет «антропосоциальное» животное [Морин, 1977/2004].

1. Тройная экология

Экология в значении, о котором говорили Морин [1977/2004] или Феликс Гуаттари [1989], — это эпистемологическая парадигма: рассматривать феномен (природный, социальный, психический, семиотический) — значит рассматривать его как проявление в экосистеме, где он является живым, а значит комплексным, явлением. Такой подход к действительности как к проявлению всего живого (включающего в себя антропосоциальное, которое, в свою очередь, состоит из семиотического, лингвистического и культурного), если только оно стало частью действительности. Но, став ее частью, оно продолжает изменяться и, как следствие, усложняется и становится более многообразным, чем включающая его в себя экосистема.

Экология не может существовать без комплексного подхода, безусловно, но только если, как Гуаттари [1989], мы принимаем во внимание «три экологии»: окружающей среды, социума и психики. Но эта тройная программа редко соблюдается, часто она сводится только к одному из пластов, в лучшем случае к двум. Психическая экология чаще всего игнорируется. Гуаттари, будучи психоаналитиком, всегда настаивал на необходимости учитывать стремление, в его фрейдистском понимании, и безумия, как фундаментальной человеческой характеристики. Его клинический подход в рамках институциональной психотерапии, а также философия совместно с Жилем Делез, создала модель человеческой среды обитания в мире, который воспринимается как мир тройного отчуждения: мы животные и природные существа, ограниченные биологически и физически; мы социальные существа, где социум является группой, языком и культурой, политикой и экономикой; и, в конечном итоге, мы существа влечений, импульсов и фантазмов.

Эта сторона стремления отрицается доминирующими эпистемологическими подходами, выходя за рамки социальной психологии и еще в большей степени экофизиологии. Самая хрупкая экология — та, что соотносится со стремлением, полностью нивелирована и рассматривается исключительно как эффект или личная интерпретация барьеров в социальной сфере или окружающей среде. Здесь речь идет о холистическом редукционизме. Комплексный подход состоит не в отрицании этой экологической интеграции, но в принятии во внимание того, что интеграция живого в режим влечения также накладывает требования своего поля и свои законы, которые были установлены, прежде всего, эпистемологией, родившейся в результате слияния фрейдистского и постфрейдистского психоанализа и феноменологии, в частности психиатрической феноменологии. Что касается биоэкологических подходов, то их холизм, каким бы законным он ни был в масштабах изучаемого объекта (природы), все же слишком часто нивелирует вопросы уязвимости психики. Такой позитивизм преобладает в гуманитарных и лингвистических науках в последние сорок лет, в западных науках, но также и в исследованиях, относящих себя к «эпистемологиям юга»; психика рассматривается через призму когнитивизма, неспособного разрешить всю проблематику влечения, и, как следствие, мысль становится столь же абразивной по отношению к сложности и уязвимости психических экосистем, как эвкалиптовый лес.

В этом небрежном отношении к антропологической сложности лингвистическая модальность экологии не остается в стороне: позитивизм в полной мере процветает в лингвистических науках, как и в остальных гуманитарных и психологических науках. Подход к языку, кажется, разделен без остатка между психолингвистикой (по большей части когнитивной) и социолингвистикой, которые представляют собой легитимные подходы, но, будучи единственными, взаимно игнорируют друг друга, или же сходятся в своих ограничениях, или, еще хуже, добавляют своих интегративных и причинно-следственных взглядов, тем самым осуществляя экоцид по отношению к режиму влечения и намерения, присущему речи.

2. От лингвистического к транслингвистическому

Экология — это способ мышления, в котором лингвистическое измерение может проявляться разными способами. Лингвистические и экологические богатства идут рука об руку, их картографические изображения пересекаются: в обоих случаях 95% общего разнообразия сосредоточено в 5% среды обитания, а остальные 95% земного шара заполнены 5% доминирующих организмов. Лингвистическое измерение нашего существования — это модальность экологии; с антропологическим возникновением и адаптивным ответом, оно является одним из способов интеграции нашего вида к его среде обитания. Язык трансформирует среду, в которой он возник, в самую совершенную из «спиралей» [Морин, 1977/2004]: география биофизической природы становится территорией — животным жестом, который становится средой обитания — социальным жестом, возникающим в части животного царства, который становится миром, наполняясь языком (то есть выживанием и присутствием за пределами отсутствия или гибели: господства смерти, но также воображаемого и ониризма — субстрата любой культуры и любой фантазматической жизни), и когда тело (Körper), так же, как и животное и социальное, становится плотью (Leib).

Макросоциальная логика определяет существование языка как популяции более или менее слабой или сильной в соотношении сил, которая выживает в неблагоприятных, диглосных условиях. Но живой язык не сводится только к этому. В узком масштабе, который может учитывать «тройную экологию», язык может существовать в режиме стремления и смысла. Тогда это язык, который имеет смысл для тех, кто является его субъектами, институт, который они могут подвергать сомнениям, постоянному пересмотру и который поддерживает их в их существовании. Именно в этом состоит педагогический вызов как таковой: сколько поколений детей «учат язык», который никогда не будет иметь для них смысла, полностью чуждый их стремлению? Будь то речь о доминирующем языке или языке национальных меньшинств, в этом смысле не имеет никакого значения: когда субъекту не позволяют свободно позиционировать его стремление на практике, тогда то, что ему навязывают, не может претендовать на «наличие смысла». Именно это покажет презентация «педагогическое Каландрета» [Лаффитт, 2020]. Педагог говорил учителям этих двуязычных окситанско-французских школ: «Вы не двуязычные, но трехязычные школы: вам нужно принимать во внимание три языка: окситанский, французский, а также язык субъекта; если вы не принимаете его во внимание, вы не научите вашего ребенка говорить по-окситански, вы научите его молчать по-окситански...» (Рене Лаффитт). Здесь под понятием «язык субъекта» нужно, конечно, понимать метафору, которая обозначает стремление и смысл, который есть в том, чтобы говорить на том или ином языке.

Хрупкость этого лингвистического существования не имеет ничего общего со слабостью: в зависимости от условий, в которых эта хрупкость принимается и прорабатывается, она может, наоборот, проявиться как лучший признак его гибкости, его сложности, его приспособляемости к окружающей среде, то есть как его настоящая лингвистическая добродетель активного моделирования возможной жизни. Именно поэтому нельзя смешивать макрополитический, идеологический проекты защиты языка и микрополитический, относящийся к настоящему сложному, ограниченному нестабильной, но полной смысла жизни этого самого языка, праксису. Эти два понятия существуют на разных режимах. Но второй режим жизни может быть эффективным в масштабах макросоциальных противостояний: центральноамериканские деревенские общины, сохранившие свой язык, свидетельствовали о гораздо более сильном сопротивлении неолиберальным атакам их экосистеме как в социальном, так и в экологическом плане [Леонард&Авилес, к публикации; Добуи, 2016].

Наконец, последним шагом в верности экологической сложности является изменение самого понимания языка. Этот вопрос будет освещен моими коллегами Николь Блондо и/или Паскаль Прак-Дюбуа: монолингвизм — это, без сомнений, самый экоцидный из всех существующих мифов. Основное лингвистическое измерение — это кросс-лингвистика, переход между языками, осознанные или нет. Более того, это многообразие заключается в самой сути образования любого языка, и транслингвистическое измерение является фундаментальным в любой лингвистической экологии. Мы живем в мире только локально, но в этой локальности среда обитания немедленно пересекается с внешней средой, «становясь миром». Таков урок, который следует извлечь из философии множественности и организованного и действующего намерения, родившейся в философии Гваттари и Делеза [1980] и перенесенной на уровень языка и культуры, по сути, Эдуардом Глиссаном [1990].

3. О речи и семиотике

Но лингвистическое измерение может, в свою очередь, стать вредоносным для экологического разнообразия и сложности и в своем теоретическом подходе : когда оно уничтожает все, что относится к речи. Человеческий род, безусловно, владеет языками (идиомами), но в более фундаментальном смысле, антропология и психоанализ установили, что человек — это существо речи, которая не может быть сведена к языку. Все есть речь, утверждает психоаналитик Франсуаз Дольто [1987], но это не означает, что все есть язык. Картина мыслит, говорит историк искусства Даниэль Арасс [2004], но это не означает : картина выражает идеи, прежде всего изложенные в языковой форме. Язык даже не обязательно должен являть собой идеальный образец, по которому можно измерить сложность других языков : классическая музыка, вне сомнений, обладает сложной письменностью, близкой к грамматике (лексика, синтаксис, прагматика), но далеко за пределами звукового плана; акустическая революция показывает, что мы имеем дело с языком, структура которого остается непонятой, если анализировать ее, опираясь на модель лингвистических структур. То, что составляет суть языка, — это наличие структуры: язык — это символика; язык — это лишь одна из лингвистических структуризаций в нашем взаимодействии с миром.

Лингвистическое мышление искажает наше знание и наши действия в случае ранней жизни младенца. В отношении процессов созревания до доступа к лингвистическим кодам или к протолингвистическим феноменам обычно говорят о долингвистических феноменах: в то время как в случае детского аутизма или психозов такой подход является телеологической редукцией: существующая архаическая логика не ждет ни языка, ни лингвистики в менее разработанной форме: логика присутствует, но ее невозможно свести к лингвистическим структурам. Существует речь по эту сторону, за пределами слов (Лафит, 2021). Считать эту архаичную логику лингвистическими категориями — значит теоретизировать о дне океана, применяя законы поверхности воды Ж, погрузившись на глубину 10 тыс. метров, поверхностные понятия уже давно взорвались под давлением.

Вывод

Лингвистика — это всего лишь одна из наук в множестве наук о других языках. Когда говорят о языковых науках, как ни парадоксально, необходимо пресечь мысли о языке. Это измерение языка, сложный комплекс, лежащий в основе экологических наук об антропосоциальном животном, — семиотическое измерение, которое присутствует в глубинных слоях психики, социальных явлениях или в отношении человека с космосом (в космогонии, понятии американских индейцев), за пределами природы и культуры [Дескола, 2005].

Так же как Гваттари [1989] говорил о тройной экологии, природной, социальной и психической, языковые науки должны утвердить в их собственном поле экологическую

семиотику, в которой, не больше чем у эвкалипта, лингвистический феномен не должен становиться против своей воли господствующим и уничтожающим транслингвистическое разнообразие, которое он, напротив, желает сохранить.

Литература

1. Арасс Д. История картин. Гаймар, 2004.
2. Делез Ж. & Гваттари Ф. Тысяча подносов. Минуи, 1980.
3. Дескола Ф. За пределами природы и культуры. Гаймар, 2005.
4. Добуи Б. Сопротивление через лингвистический труд: случай амузго // В Леонард К. и Гарин В. (изд.) Контакты (или конфликты) языков в контексте посткоммунизма или постколониализма. Пресс-университет Медитерране, 2016. Р. 249–271.
5. Дольто Ф. Все есть язык. Гаймар, 1987.
6. Глиссан Э. Поэтика отношений. Гаймар, 1990.
7. Лаффитт П. Ж. Педагогика и Язык. Институциональная педагогика, навстречу наукам о человеке и о языке. Л'Арматтан, 2020.
8. Лаффитт П. Ж. Язык за пределами слов. Встреча на заре языка между институциональной психотерапией и семиотикой Пирса. Издательство д'Юн, 2021.
9. Леонард Ж.-Л. и Аффилес Гонсалес К. Ж. Педагогические ресурсы в языках американских индейцев. От реституции — к цифровому воссозданию. Год исследований в области педагогических наук. 2022(к изданию).
10. Морин Э. Метод. Сей, 1977/2004.